

№ 197. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 ИЮЛЯ 1904 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Без доставки: на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р.,
на 3 мѣс. 1 р. 75 к. На 2 мѣс. 1 р. 25 к., на
1 мѣс. 65 к.

Съ доставкой и пересылкою: на годъ 8 р.,
на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., и т. д. 1 р. 20 к.,
на 1 мѣс. 75 к. Отдѣльные №/ы въ конторѣ ре-
дакціи и въ магазинах по 3 к.

За переѣздъ адреса многократ. подлнеч. уплат-
ны 20 к., а городскіе, переѣзда въ многократ. — 50 к.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго
мѣсяца.

Въносная плата за границу: в 2 р. 50 к. про-
тивъ безостаточныхъ цѣнъ. Подписки и
объявленія принимаются въ главной конторѣ
редакціи (Кремлянь, № 36), отъ 10 ч. утра до 8 ч.
веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

Адресъ типогр. газеты: Пушкинская 4.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 ИЮЛЯ 1904 г. № 197

КРЕВСКИЕ ОЦѢЛКИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІИ

За одну строку въ столбцѣ или въ нѣскольке
рядовъ текста за первый разъ 40 к., за каждый слѣ-
дующій разъ по 20 к.; позади текста — за первый
разъ 20 к., за слѣд. разъ по 10 к. При абонементахъ
объявленія дѣлаются соотвѣствующаго уступки.
Линза, нѣкоторые труды, пользуются уступкою въ раз-
мѣрѣ 50%.

Рукописи должны быть за полной подписью,
и адресомъ автора и подлнечать, въ случаѣ на-
добности, извѣщенія и соображенія. Жела-
ющіе получать обратно напечатанными рукописи
должны приложить марку на пересылку. Мелкіе
статьи, замѣтки и снѣдкованія не возвращаются.

Редакція для личныхъ объявленій открыта
ежедневно отъ 3 до 4 ч. дня.

Редакція и гл. контора общ. — Кремль, 36. Тел. № 599.

Контурь.

...о Чеховъ: трудно привыкнуть къ мысли, что его уже нѣтъ... Онъ поэтично и такъ всесторонне отражалъ жизнь, что каждый эпизодъ, каждый день напоминаютъ оставленную намъ «книгу жизни». Г. Аббадонна сказалъ о Чеховѣ: «великій Панъ умеръ!» Это почти вѣрно. Вѣрно, пбо все («панъ» по гречески «все»), вся жизнь въ ея самыхъ замѣтныхъ и самыхъ интересныхъ очертаніяхъ сверкнула яркимъ отраженнымъ блескомъ въ его чуткомъ и перво-отзывчивомъ творчествѣ; и почти вѣрно, пбо отзывался онъ на «трепетаніе жизни» отнюдь не съ той безкровной объективной безстрастностью, которая приписывалась созерцательно-му и холодному греческому богу. Напротивъ: онъ ко всему относился одинаково—печально... Его воспріятія могутъ быть очерчены строками извѣстнаго толстовскаго стихотворенія:

«Каждый звукъ случайный я ловлю пытливно.

Пѣсня-ли раздастся на селѣ далекомъ,
Вѣтеръ-ли всколыхнетъ золотую ниву,
Каждый звукъ неяснымъ мнѣ звучить упрекомъ».

За великій свой даръ онъ платился жестоко: анализъ, который давалъ ему возможность заглядывать въ сокровеннѣйшія складки человѣческихъ сердецъ, отнималъ у него «иллюзіи жизни». Онъ походилъ на человѣка, который постоянно глядѣлъ бы въ сильное увеличительное стекло. И это отравляло ему «радость бытія». Онъ видѣлъ незамѣтные другіе изъяны, морщины и пятна... На немъ оправдываются слова Достоевскаго: «великіе люди должны испытывать великую грусть».

Эта склонность къ «анатомированию», владѣвшая его мыслью, не мѣшала его сердцу биться любовью великой Г. Меншиковъ приводитъ слова писателя, когда рѣчь какъ-то зашла о любви къ женщинѣ. «Любовь!—сказалъ тихо Чеховъ. Вотъ, когда вы будете знать, что къ любимой женщинѣ пришелъ другой, когда они укроются, на вашихъ глазахъ они укроются, и если вы все-таки будете бродить вокругъ этого дома и умолять ее, чтобы она пустила васъ на глаза—вотъ тогда: вы любите...» Г. Меншиковъ—свидѣтель мало достовѣрный, но эта мучительно страстная реплика воспроизводится творчествомъ Чехова. Нѣтъ, онъ не знаетъ «пѣсни торжествующей любви». Исторія любви его персонажей—это та старая, но вѣчно юная исторія, когда онъ любитъ ее, а она—другого... «Я буду благословлять землю, по которой вы ступаете»—говорить Треплевъ Нинѣ, бросившей его, разбившей его сердце, всѣ его надежды. Въ этомъ чувствѣ Чеховъ не рисуетъ никогда равенства: у него всегда въ любви—господинъ и рабъ... Такъ, въ «Ивановѣ» (Сарра, Ивановъ и Львовъ), такъ въ «Трехъ сестрахъ» (Маша и Тузенбахъ), такъ въ «Запискахъ неизвестнаго человѣка»... Такъ—и въ жизни...

Образъ чеховской женщины... По этому поводу приходится цитировать странное показаніе. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ газеты «Русь» г-нъ С. Семеновъ сообщаетъ, что Л. Н. Толстому, кажется нехорошимъ отношеніе Чехова къ женщинамъ. Исключеніемъ въ глазахъ Толстого—по словамъ г. С. Семенова—является рассказъ «Вѣдьма». Здѣсь все загадочно: какимъ образомъ рыцарски-возвышенный взглядъ Чехова на женщину, проникнутый братски-нѣжной чистотой и чисто-братской нѣжностью, преисполненный вѣры въ силы женщины и надеждъ на ея будущее—можетъ показаться «нехорошимъ»? И какимъ образомъ рассказъ «Вѣдьма», одно изъ самыхъ грубыхъ (въ этомъ смыслѣ) произведеній Чехова, въ которомъ описывается, какъ молодая жена некрасиваго и слабаго дѣяча отвергаетъ ласки своего обрыдлаго мужа и съ вождельніемъ бросаетъ взоры на красиваго почтальона, случайно почующаго въ избѣ,—какимъ образомъ этотъ рассказъ могъ показаться «исключеніемъ»?.. «Отношеніе къ женщинамъ какъ-то нехорошимъ»... Конечно, въ галереѣ женскихъ типовъ у Чехова нѣтъ домовитой гусыни, «царицы спальни и г-жи кухни»... Такой типъ почившій писатель, очевидно, считалъ униженіемъ для женщины и въ жизни бѣжалъ отъ него, а въ литературѣ уклонялся. Но чеховскія женщины—это часто почти крылатые существа, исполненные воз-

вышенныхъ стремленій. Какъ истый быто-писатель, Чеховъ захватилъ своимъ творчествомъ, отмѣтилъ и подчеркнул эволюцію женскаго типа. У него послѣдовательно проходятъ: женщина, полагавшая свое назначеніе и цѣль своей жизни въ любви («Рацевская, Сарра, старшая изъ «Трехъ сестеръ»), подуху близкая тургеневскимъ женскимъ образами, потомъ—та, которая не удовлетворялась этимъ предназначеніемъ и возжаждала иного, болѣе высокаго, болѣе дѣятельнаго... Это—Катя изъ «Скучной исторіи», передъ окномъ стараго профессора въ томительномъ ожиданіи вопрошающая: «скажите: какъ жить? Какъ жить?» Къ этой полосѣ принадлежатъ и Нина Зарѣчная, тоже искавшая высокаго призванія и обрѣвшая эту высокую стезю на сценѣ... На вопросъ: «какъ жить?»,—Катя услышала глухой голосъ профессора, прозвучавшій въ окружающей темнотѣ, какъ приговоръ: «не знаю... право, не знаю»... Исканія Нины закончились тѣмъ, что Тригоринъ ее бросилъ съ ребенкомъ... А другія, не получивъ желаннаго, свѣтлаго труда, удовлетворялись простой и черной работой—какъ Соня («Дядя Ваня»), какъ Оля, средняя изъ «сестеръ», какъ Варя изъ «Вишневаго сада». Они жаждали свѣта, просили помощи, протягивали руки... Но получили, вмѣсто хлѣба, камень. И одиѣхъ камень этотъ повлекъ ко дну, другихъ—ожесточилъ и заставилъ примириться съ тѣмъ, что жизнь дала...

Такое отношеніе называютъ «нехорошимъ». Объясните: почему и за что? Называютъ «нехорошимъ»... А рассказъ о томъ, какъ дѣячиха отказывала мужу въ ласкахъ, именуютъ «образцомъ»... Нѣтъ, положительно что-то да не такъ...

Между Кіевомъ и Бояркой идетъ усиленный провозъ—поклонницъ г. Багрова. Артистъ гастролируетъ въ Бояркѣ, и поклонницы мчатся даже съ те-варными поѣздами, въ вагонахъ съ надписью: «лошадей 8, пияжнихъ чиновъ—40». Надо полагать—имѣются и пѣшія паломницы. Въ театрѣ онѣ поднимаютъ невѣроятный шумъ, разъяренной толпой устремляются къ сценѣ и «готовы жизнь отдать», лишь-бы г. Багровъ еще разъ вышелъ къ нимъ. Когда артистъ возвращался въ Кіевъ послѣ спектакля—это было около часа ночи—поклонницы выстроились двумя стройными шеренгами и подъ ноги ему бросали цвѣты. А дома нашихъ андалузовъ ожидали оставленные дѣти, насыщавшіяся застывшими въ жирѣ холодными котлетами, негодующій и ни какъ не умѣющій найти то, что нужно, мужъ или обезпокоенные и ожидающіе своей «дочечки» родители...

Искусство «жертвъ некупительныхъ

просить»—не такъ ли?

Угодно: motto въ альбомѣ? Прошу. Въ pendant къ осеннимъ тонамъ, Къ погодѣ сѣро-хмурой, Явился онъ со стономъ И съ головой понурой. Шептались мрачно ели, Росой покрылись травы, Поклонницы горѣли И отбивали «браво». Бѣгъ устремивши къ сценѣ, Какъ вокругъ «теляца» скакали, Бросались на колѣни, Смѣялись и рыдали. А дождь стучалъ уныло, И громъ гремѣлъ безъ счета... Кругомъ такъ грустно было И совѣстно чего-то...

Въ Дехтеревской богадѣльнѣ была веселая педѣля. Поваръ давалъ балъ и гости такъ мило веселились, что чуть-было не устроили себѣ на потѣху пожара. На балъ, однако, не были приглашены призрѣваемые, которымъ, какъ оказывается—вовсе не до веселья. Служащіе богадѣльни имѣютъ основаніе «тапцевать»: установлено, что за послѣднее время продовольствіе имъ увеличено на 12 коп. въ день; что-же касается призрѣваемыхъ, то имъ соответственно—уменьшили порцію на 2 коп. Фейерверкъ, который чуть-чуть не возжегъ «веселящійся поваръ», между прочимъ, освѣтилъ, что дрова въ богадѣльню, противъ правилъ, подвозятся подрядчикомъ большими партіями, которыя—при всей ихъ легко допустимой сырости—все-же являются легко воспламеняемымъ матеріаломъ. Пожаръ въ богадѣльнѣ, гдѣ безпомощныя, дряхлыя, калѣки—это пожаръ въ лѣсу... Это нѣчто прямо-таки страшное...

Пора, однако, прекратить эти безобразія. Каждый разъ обнаруживаются все новыя неурядицы, и все пребываетъ попрежнему. Завѣдующій богадѣльней—это какой-то маленькій Людовикъ XIV. Онъ говоритъ: «богадѣльня—это я», и по своему устанавливаетъ распорядки. Жениться тамъ не любятъ. На-дняхъ завѣдующій уволилъ прислугу, а паспорта не выдалъ—за отсутствіемъ въ городѣ надзирательницы, увезшей съ собой ключъ. Но ежели не можете выдать паспорта, не удаляйте. Вѣдь здѣсь богадѣльня, вѣдь здѣсь должны господствовать любовное отношеніе и кротость. М. Волошинъ.